

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

«...Осиянно только слово среди земных тревог...»

Осиянному слову, слову молитвы за Победу посвящена книга настоятельницы Свято-Архангело-Михайловского женского монастыря игуменьи Серафимы, которая так и называется: "Молитва за Победу. Церковь в Великой Отечественной войне".

Матушка Серафима, появившись в Одессе в начале 90-х годов, стала одним из ярких незаменяемых подвижников не только на ниве церковного строительства, благотворительности, то есть творения блага, творения Добра, но и на ниве культуры нашего города. Ее книгу об одесском Спасо-Преображенском соборе, уничтоженном в 1936 году, можно считать первым краеугольным камнем в будущее возрождение одесской святости. Книгу, написанную тогда, когда и помыслить о возрождении собора было невозможно. За этой книгой последовали другие. Из полутора десятка книг сама матушка Серафима считает самым значительным труд, посвященный истории Киево-Печерской лавры.

Потом был "Лист від Диявола" о трагической истории Голодомора и другие замечательные сочинения талантливого и всемерно образованного автора.

Кому посчастливилось читать книги, написанные игуменьей Серафимой, не могут не удивиться глубине ее исторических познаний, философского осмысления событий далекой древности и сравнительно недавних, если оценивать их в историческом масштабе. Порою кажется, что такие издания под силу коллективу авторов. Но написаны они хрупкой женщиной, по ее собственному признанию, не обладающей никаким вузовским дипломом, но получив-

На дорогах Белоруссии. Фото: журнал "Россия Православная"

шей блестящее духовное образование от своих пастырей.

И конечно же, все книги матушки Серафимы, что на русском, что на украинском языке, написаны таким высоким, таким прекрасным языком, таким пламенным, страстным, я бы сказала — Богородивным словом!

Такова и "Молитва за Победу". Книга о войне, о ее лихолетье, о ее пекле, о горе, лавиной хлынувшей на нашу землю, и о Церкви в этой войне. Церковь, как и весь народ, испытала на себе страдания, гонения, вместе с народом прошла тернистый путь испытаний и мучений и в кровавые времена сталинского режима, и в годы вражеского нашествия. Были в истории Церкви не только разрушенные храмы, поруганные иконы, разграбленные святыни, но и свои бесчисленные жертвы, свои страстотерпцы — от церковных иерархов до скромных деревенских батюшек...

Думаю, что, будь эта книга игуменьи Серафимы посвящена только страницам истории Православной Церкви и ее деяниям в годы войны, у нее, несомненно, нашелся бы благодарный и вдумчивый читатель.

С первыми же потерями, отступлениями, с оставленными на растерзание врагу городами и селами, с неутешительными сводками Совинформбюро приходили усталость и разочарование в шапкозакидательской трескотне советской пропаганды. Народ обращался к вере и молитве. Да и сам Сталин, испуганный, растерявшийся, только дней через десять после начала войны обратился к народу со словами: "Братья и сестры!" — а потом и вовсе призвал на помощь Церковь...

Но, на мой взгляд, книга нашей одесской матушки обращена к гораздо более широкому кругу читателей, к сердцам и разуму тех, для кого отечественная история, история дедов и прадедов — не пустой звук.

Эта книга — полное скорби и печали, горя и сострадания повествование о погибших от рук фашистов на нашей земле крестьянах и горожанах, детях, женщинах и стариках, об угнанных в рабство в Германию девушках и подростках, о расстрелянных, замученных в Бабьем Яру, в концлагерях, в плену, в рабстве евреев, военнопленных красноармейцев, священников и мирянах...

Мне кажется очень важным в книге то, что ее автор с праведным гневом пишет не только о злодеяниях гитлеровских фашистов и их приспешников, но и о преступлениях сталинского режима. О заминированной и взорванной энкаведистами Киево-Печерской лавре, о наших солдатах и офицерах, из немецкого плена попадавших в сталинские лагеря.

Невольно вспоминаются строки из стихотворения И. Бродского "На смерть Жукова" о наших воинах, "тех, кто в пехотном строю смело входили в чужие столицы, но возвращались в страхе в свою"...

Проникновенный характер книги во многом обязан тому, что ее автор рассказывает не только о глобальных событиях войны, но весь ее ужас передает через судьбы людей.

Крымский протоиерей Николай Швец, крестивший евреев, чтобы их спасти, погибший от рук гестапо...

Священники, отец и сын, Александр Глаголев, погибший в сталинском застенке, и Алексей Глаголев, Праведник мира, в Киеве крестивший и спасавший евреев...

Олена Телига, украинская поэтесса, не успевшая за короткую жизнь издать ни одной книги стихов, верная украинской национально-освободительной идее, была схвачена гестапо и расстреляна в Бабьем Яру...

Генерал Николай Ватутин, освобождавший Киев и погибший от рук бойцов УПА...

Александр Василевский, окончивший в 1914 году Костромскую духовную семинарию, сын протоиерея отца Михаила, стал маршалом Советского Союза...

А сколько имен, судеб, связанных с Одессой, в книге "Молитва за Победу"! Епископ Лука, в миру великий хирург Войно-Ясинецкий, игуменья

Анатолия, пулеметчица Анна Рыбаченко... Этот перечень благородных имен можно продолжать.

Молитва за Победу произносится не только на нашей многострадальной земле. Автор повествует об оккупированной Европе, где гитлеровцы, провозгласившие нацизм новой религией, преследовали, уничтожали католиков — мирян и клириков, о росте сопротивления фашизму, среди его участников было много эмигрантов — мать Мария (Кузьмина-Караваева) и Борис Вильде, погибшие во имя Победы над фашизмом, Николай Алексеевич Полторацкий, после войны вернувшийся на родину, до конца своих дней преподававший в Одесской духовной семинарии...

О самопожертвовании, о героизме идет речь в этой замечательной книге. И о предательстве, которое несовместимо с сутью человека, созданного по образу Божьему...

И нужно непременно упомянуть, что книга, опирающаяся на многочисленные свидетельства, исторические исследования, причем представляющие противоположные, не сходящиеся точки зрения, не сходящиеся судьбы, иллюстрирована многочисленными фотографиями — событий, героев, знаменитых и почти неизвестных, тех, кто выстоял, кто приближал и кто одержал Победу. С Божьим промыслом. С молитвой.

С волнением читая книгу игуменьи Серафимы, вспоминаешь стихотворение Николая Гумилева "Слово", написанное незадолго до того, как поэт был расстрелян ЧК:

Но забыли мы, что осиянно
Только слово среди земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово это — Бог.

Феликс ЗИНЬКО

Адмирал Маркизовой лужи

Удивительные зигзаги делает история.

В советские годы имя российского адмирала де Траверсе связывалось только с "Маркизовой лужей" — так называли моряки Финский залив, в котором якобы кvasили боевые корабли и моряков этот морской министр. Дело в том, что Траверсе был маркизом, эмигрировавшим в Россию после Французской революции, вслед за герцогом Ришелье. Правда, он получил персональное приглашение от царицы Екатерины Великой. Ему присвоили звание генерал-майора и должность командующего галерным флотом.

Маркиз возглавил важный стратегический пункт обороны Финского залива в Роченсальме (Котка) и отбил несколько атак англо-шведской эскадры, рвавшейся к Санкт-Петербургу. Александр I призвал его в контр-адмиралы и назначил главным командиром Черноморского флота. Так он попал в наши края.

В Николаеве, что был тогда главной базой флота, оказалось, что флота как такового нетути. Наспех построенные Ушаковым корабли, пройдя славные бои, пришли в полную негодность. Кроме того, созданную на Корфу республику надо было поддерживать. В 1804 году адмирал получил приказ переправить на Корфу две тысячи солдат, в следующем году еще тысячу. И Траверсе, засучив рукава, принялся за дело.

Именно он создал в Николаеве и Херсоне новые верфи, остановил безудержное разбазаривание земель в округе и закрепил эти участ-

ки за расширявшимися городами. Первый историк Николаева Г.Н. Ге писал: "Положение Николаева сильно изменилось к лучшему, когда главным командиром Черноморского флота был назначен маркиз де Траверсе". Одновременно Траверсе исполнял должность губернатора. Но понимая, что совмещать два таких поста — "дело отчаянное", как говаривала Екатерина, он сам обратился с письмом к императору. Его предложение было принято, и вся гражданская власть в Новороссии, Крыму и Таврии перешла в руки дюка де Ришелье. Вы можете, читатель, представить себе российский чиновник любого времени, который отказался бы от власти?

В устье Ингула шли непрерывные строительные работы. Рядом с верфями строились оборонительные форты, а в городе склады и магазины. Надо сказать, что в то время магазинами называли вовсе не торговые точки, как нынче, а склады пороха, ядер и прочего необходимого для флота снаряжения. Траверсе учредил картографическую службу (Депю карт), создал при нем Кабинет древностей, куда приказал свозить археологические находки со всего края. Кстати, потом эти экспонаты положили начало коллекции Одесского археологического музея. В 1804 году было открыто Училище флотских юнг, куда в первую голову принимали детей матросов и солдат.

Ришелье весьма ценил маркиза де Траверсе. Он писал ему: "Мне поручено наблюдать за работами по строительству Одесского порта,

но моя осведомленность в сих делах так мала, что любой совет такого человека, как Вы, будет для меня драгоценен. Мне предложили план строительства, но прежде чем что-нибудь решать, я хотел бы, чтобы Вы все увидели собственными глазами: я был бы Вам бесконечно обязан, и, кроме того, это маленькое путешествие доставило бы нам удовольствие личного знакомства".

Конечно, Траверсе откликнулся на приглашение дюка и прибыл в Одессу. Теперь скажите, слышали ли вы когда-нибудь о его участии в разработке плана Одесского порта? Упоминаются имена де Волана, Ришелье, а про Траверсе — ни словечка. Советские "летописцы" попросту вычеркнули его имя из истории. Как же иначе — ведь он был монархист, а у нас в истории оставили только революционеров. Как это ни смешно.

Справив дела в Одессе и вернувшись в Николаев, маркиз послал дюку де Ришелье морской баркас с командой матросов. "Надеюсь, — писал он, — что, имея такое судно, Вам легче будет наблюдать за работами в порту". Пока дюк был в Одессе, переписка и дружба между двумя эмигрантами на российской службе продолжались.

С 1806 по 1808 годы на воду были спущены и вошли в строй флота шесть линейных кораблей и два фрегата. Траверсе объявил Севастополь закрытым городом, потому как английская и французская разведки весьма интересовались силами Черноморского флота. В 1809 году на Николаевских верфях были

заложены еще два линейных корабля и фрегат. Николаев стал крупнейшим арсеналом Новороссии. В том же году Александр I назначил маркиза де Траверсе морским министром России. Он принял пост и российский гражданство. И работал министром флота 18 лет.

Здесь надо сказать, что после того как практически весь французский флот был уничтожен адмиралом Нельсоном в битве при Трафальгаре, Наполеон Бонапарт обратился к военно-морскому министру Франции: "Помогите мне заполнить этого Траверсе, что командует у русских флотом на Черном море; это человек, который сможет отомстить за меня англичанам на море". Французский консул в Одессе передал Траверсе предложение Наполеона: "Господин маркиз, Вам нужно лишь продиктовать условия вашего возвращения, император Наполеон готов обложить Вас самыми высокими полномочиями". Представьте, наш маркиз отклонил предложение, сказав: "Россия нынче мое отечество, она помогла мне в тяжелое время, я навсегда сохраню ей благодарность". Каково? Вот вам и маркиз! Конечно, монархист Траверсе не хотел служить узурпатору престола.

Во время Отечественной войны 1812-15 годов флотские экипажи сражались бок о бок с армейскими частями российской армии. Когда наполеоновская армия была изгнана из России, корабли флота действовали в Северном море совместно с британскими. После победы царь предложил маркизу княжеский ти-

тул, однако Жан Батист, ставший Иваном Ивановичем, отклонил монаршую милость. Не знаю больше в истории России ни одного человека, сделавшего такой жест!

После войны началась эпоха российских "круг света плавателей". Именно морской министр был законодательником и организатором этих славных дел. В 1819 году он отправляет Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева на шлюпах "Нева" и "Восток" на поиски неведомого материка. Они обошли кругом Антарктиды и нанесли ее контуры на карты. Попутно были открыты и названы острова Березина, Смоленск, Бородино, Малоярославец — места победных сражений российских солдат. Беллинсгаузен назвал именем Траверсе целый островной архипелаг. Затем ушли в далекое плавание корабли Крузенштерна, Лазарева, Литке, Коцебу, Завадовского и Шишмарева, принесли славу России.

А что там с Маркизовой лужей? Траверсе претолчно понимал, что российский флот пока еще весьма слаб и без поддержки береговых фортов не может противостоять британцам. Потому-то он и придерживал флот в Финском заливе, чем вызывал гнев и издевательские отзывы флотской молодежи, рвавшейся в бой.

Траверсе оставил пост министра в 1828 году. Через три года его не стало. Кто же и почему, спрашивается, пытался выбросить Жана Батиста де Траверсе из российской морской истории?

Это уже совсем другой рассказ...